

Другъ человечества.

Тяжело, должно-быть приходится Горькому. Ему не позавидишь.

Давно уже известно, какъ большевики обрабатываютъ съ русскими духовными сокровищами — съ наукой и искусствомъ. Публичной библиотекой владѣла бывшая императоръ императрица. Во главѣ Наказанскаго Гинекологическаго института стоялъ бывший мѣстоназначенный директоръ и писательница почитаемый бывшему редактору «Дуняри». Знаменитый физиологъ заболотированъ студентами-коммунистами. Забвѣнный ученый юристъ при посѣщеніи Уэллсомъ общественной столовой — прикрываетъ опасною обоими руками миску съ вичючей бурдой, когда знатный англичанинъ наклоняетъ надъ ней, изъ любопытства, свое рѣзкое длинное лицо... Не такъ еще давно известныя профессоры, настоящихъ ученыхъ, съ большими европейскими именами гоняли чинить выгребные ямы, ибо въ русскомъ коммунистическомъ катехизисѣ есть такая пунктъ:

В.: Кто же будетъ выполнять разныя грязныя и неприятныя работы въ нашемъ райо?
О.: Буржуазія.

Но наступаютъ изрѣдка неизбежныя моменты, когда совѣтская власть чувствуетъ себя вынужденной обратиться къ цивилизованному міру отъ имени этихъ самыхъ, поправныхъ его наукъ и искусствъ. Тогда въ видѣ боевого слона, въ видѣ тяжелой артиллеріи, выпускаютъ Максима Горькаго. «У васъ золотое перо, товарищъ Горькій. И съ всеми иностранными писателями вы на дружескомъ ногѣ. Писатель-ка этимъ подымъ преслушникамъ капитализма что-нибудь помягче».

И онъ пишетъ свои замѣчательныя письма, полная развязности, фамильярности, лжи и высокопарности.

Но никогда еще его золотое перо не достигало такихъ высотъ голого безстыдства, какъ въ письмѣ, обращенномъ къ цѣлому міру вообще и къ Гаутунгъ въ частности. Густавъ Эрве со свѣтской емоу прямою называлъ Горькаго за это письмо болваномъ. Но страстный публицистъ былъ слишкомъ сдержанъ. Письмо это не только глупо. Оно еще и безграмотно, и нагло, и трусовато, и пошло. Цѣнаго въ немъ лишь одно то, что прошедшее сквозитъ неизбѣжные цензурныя фильтры, оно въявь сияетъ убогой разплатской болванщиной въ собственномъ крахѣ.

Оно безграмотно потому, что Горькій, играя на струнахъ общественной совѣсти, сумѣлъ и смогъ привести только три имени, концентрирующихъ въ себѣ умышленную культуру страны: Толсто, Достоевскаго и Менделѣева. Только три. А гдѣ Пушкинъ, Державинъ, Тургеневъ, Чесновъ? Гдѣ великія русскія содѣя и живописцы? Гдѣ Мечниковъ, гдѣ физиологъ Павловъ и Зеленскій, бактериологъ Павловскій и Хавкинъ, самоотверженно соврѣннсь съ чумой и холерой? Гдѣ астрономъ Брединъ, Струве, Глазневъ? Гдѣ великій математикъ Лобачевскій? Русскіе композиторы? Почему изъ песни выкинутъ маленькій человѣчекъ, но изумительный артистъ Шаляпинъ? Слыхалъ ли Горькій о Яблонковъ и Ладягинѣ, такъ много сдѣлавшихъ въ обла-

сти электро-освѣщенія, и о Поповѣ, который одновременно съ Марconi додумался до идеи беспроволочнаго телеграфа? А русскіе путешественники, начиная съ Дежнева и Норденшильда и кончая Коаловымъ, Пржевальскимъ и Мануйловъ? А советскіе философы-богословы? А Ключевскій и Костомаровъ? Впрочемъ я не привелъ и десятой части незабвенныхъ именъ влопахъ».

Это письмо трусовато, потому что Горькій не смѣетъ открыто назвать истинную причину страшной русской бѣды — неспособность большевиковъ ни къ чему, крокъ разрушенія. Голодъ могъ бы сказаться въ гораздо менѣе катастрофическихъ размѣрахъ, если бы во первыхъ крестьянннъ не былъ давно твердо убѣжденъ, что хлѣба у него все равно насильственно отнимутъ на нужды коммунистическаго опыта; если бы, во вторыхъ, у него была лошадь, соха и борона, и если бы въ третихъ большевики не обладали роковымъ даромъ обращать въ прахъ, пепель и смерть все къ чему прикасаются ихъ проклятыя руки, даже самыя благословенныя, цвѣтущія края.

Это письмо веркъ лживости и безстыдства, особенно въ началѣ и въ патетическомъ выступленіи. Какъ? Развѣ въ Горькій годъ тому назадъ говорилъ, что если «подлый» русский народъ не годенъ для завоеванія свободы, то отъ гонимъ для социальнаго опыта? Ну что жъ? Социальный опытъ последовательно дошелъ до логическаго тупика, до такой бредовой бессмыслицы, что цѣлый могучій народъ осужденъ на вымирание. Откуда же у Горькаго это внезапное сожалѣніе къ народу, данному Толсто, Достоевскаго, Менделѣева и Горькаго? Когда произошла лажъ: вчера или сегодня? Или то и то очередная слезливая истерика души лакейски-сенсиментальной.

Но впервые ли Горькому вилать этой душою, какъ хвостомъ? Въ июль 17 года послѣ кровавыхъ уличныхъ безобразій большевиковъ, онъ возмутился и публично ушелъ изъ лагеря насильниковъ, которыхъ тогда яростно осудило общественное мнѣніе. Но большевики оказались сильнее, чѣмъ расчиталъ Горькій. И вотъ, еще неизрочисленн башмаковъ, въ которыхъ опакивалъ убитыхъ женщинъ и дѣтей, онъ снова бросается въ объятія большевиковъ. Нуженъ былъ благодивидный предлогъ, онъ нашелъ: Каннискеръ застрѣлилъ холоднаго офицера Урицкаго. «Какъ!» — возмущенъ Горькій — «убилъ иденкаго, честнаго борцова за свободу? Бѣдые большевики, о мои чистые великодушники! Нѣтъ! иду снова къ вамъ! Принимте будущаго сына!»

Какая же цѣна его человѣческимъ чувствамъ? Развѣ для него была тайна, что загодъ ное Урицкаго большевики утерли въ своихъ чрезвычайныхъ до 20,000 заложниковъ?

Письмо это нагло и одновременно глупо, потому что Горькій, точно забывъ о прямой и благой его цѣли, вдругъ забрался на судейское кресло и сталь, ни съ того, ни съ сего, разбираться въ отношеніяхъ побѣдителей и побѣжденных, чѣмъ повергъ и тѣхъ и другихъ въ полное недоумѣніе. Къ чему это? Съ какой стати? — подумали они! — Развѣ безъ него мы не сумѣемъ извѣстить вражду и наши

дого? Развѣ наша собственная государственная мудрость, вмѣстѣ съ веленіемъ времени не подскажетъ намъ самый настоящаго пути? И, вотъ письмо, доминствующее провнеситъ върыть общественнаго сочувствія, окончилось кофудлетомъ.

И, потомъ это письмо глупо и пошло, потому что въ немъ высказываются ненужное сожалѣніе къ побѣжденнымъ и непрощенное осужденіе виновникамъ войны. Избавленія главнымъ образомъ Германия. Но я увѣренъ, что ни одному честному ямшу не доставляетъ никакого удовольствія сочувствіе Горькаго.

«Мы — скажете вы — считали во время войны дозволенными всѣ средства, даже самыя дьявольскія. У него это одно оправданіе и цѣль: побѣда во имя Родины. Обезвредитъ этого изъ враговъ и любима въ пріемовъ они считали своимъ долгомъ. И вотъ мы вывели Россію изъ войны. Мы нашли въ ней кучку негодяевъ, на все готовыхъ за небольшую деньги и кучку фанатиковъ-теоретиковъ,

которымъ мерзко было самое слово Родина. Съ ихъ помощью мы отравили, оподили, проституировали вашу страну, закрывъ глаза на послѣдствія».

Войну мы все-таки проиграли. Счета наши съ побѣдителями не сведены, и вражда наша неутолена. Но васъ, которыхъ мы върали, васъ, чей подлость, глупость, слабость, жадность и трусовость мы воспользовались для невольнаго отяжки сокращенія голода — васъ мы презираемъ гораздо глубже, чѣмъ послѣднюю продажную дѣвку, у которой есть, по крайней мѣрѣ, одно оправданіе — нужда.

Не вы ли, Горькій, были — какое страшное и дикое слово! — однимъ изъ самыхъ яростъ пораженцевъ въ т.е. жалкіе военнаго успѣха врагу и радовались его побѣдамъ.

Такъ неужели вы не понимаете, какую ужасную улобу вызываетъ среди насъ Ваше сочувствіе къ намъ?

А Курпиръ.

Единственное средство.

Я понимаю патриарха Тихона, который Христовымъ именемъ проситъ помощи для умирающаго русскаго народа.

— Это долтъ сердца человѣческаго: нельзя не просить и нельзя не взывать!

Конечно, русскій патриархъ не хуже насъ съ вами знаетъ, что страшное несчастье, упавшее на голову Россіи, въ конечномъ счетѣ, быть можетъ, принесетъ избавленіе отъ нынѣшнихъ «владыкъ жестокихъ и звѣроравныхъ», и что въ морѣ русскаго горя утонетъ большевизмъ.

Но какъ человѣкъ живого и непосредственнаго чувства, онъ не можетъ, онъ не находитъ въ себѣ силы согласиться, чтобы русское избавленіе было куплено такой страшной цѣной. Въдъ «звѣроравные владыки» уже истребили столько русскихъ жизней, что жутко вспомнить и страшно оглянуться назадъ.

Всѣ цирки римскихъ императоровъ, за 300 лѣтъ, не пролили и половины той крови, на какую такъ легко и такъ просто посягнуло «социалистическое» палачество и партійное изурѣвство.

Марксъ стоилъ Россіи больше, гораздо больше, чѣмъ Батый: Гражданскія войны, холера и тифъ, карательныя экспедиціи, убиства заложниковъ — уже вырвали изъ русскаго народа не меньше 10 миллионъ жертвъ.

И неужели же надо отдать еще 10 миллионъ русскихъ тѣлъ, чтобы царь-голова сокрушилъ, наконецъ, развратную и наглую власть самозванцевъ?

Нѣтъ, никогда живое нравственное чувство не примирится съ этой мыслью, я понимаю, когда русскій патриархъ молится объ избавленіи нашей земли отъ этой новой кровавой чашы.

— Такой цѣной не хочется покупать даже свободу! Но одно дѣло — горячее человѣческое сердце, и совсѣмъ другое — холодный человѣчскій умъ.

А умъ, съ его арифметикой и съ его дѣловыми выкладками, говоритъ просто:

— Такъ было и такъ будетъ. Это ужасно, но это неотвратимо. Балансъ русской крови еще далеко не поведенъ. Еще надо оплатить счета по голоду, по холерѣ, по сверженіи самозванной власти и по восстановленію власти народной! Словомъ, умъ повторяетъ злыя слова русской сказки:

— Носить вамъ — не переносить... И, конечно, умъ правъ. Никакая благотворительность не можетъ накормитъ 20 миллионъ голодныхъ тротъ, ибо такого прихвѣра отъ сотворенія міра не было.

Благотворительность, даже въ томъ случаѣ, если она загорится полнымъ пламенемъ, дастъ два десятка пародовъ съ хлѣбомъ (да и дастъ ли?). А отсюда самъ собой слѣдуетъ печальный выводъ: море русской нужды не вычерпать ковшомъ благотворительности.

— Россіи нуженъ государственный заемъ. Хотя небольшой, хотъ въ полмиллиарда, но непременно заемъ, а не только милостыня.

Но займы, какъ это всѣмъ извѣстно, даются кредитоспособнымъ государствамъ и никогда не даются прохвѣстамъ.

Полъ «честное слово» Радка и подъ клятву Юлфе можно получить гривнинки, да и то при большой удачѣ. Говорить же о миллиардахъ и миллиардахъ въ странѣ, гдѣ «власть» отказывается признавать государственные долги, гдѣ «власть» занимается подѣлкой фальшивыхъ износныхъ денегъ и гдѣ всѣ государственныя средства идутъ на политическій развратъ, на покупку, на пропаганду и на устройство возстаній и убійствъ въ соседнихъ странахъ — говорить въ такой странѣ о займахъ — просто нелзя.

— На веревку для Ленина еще можно получить. Но не больше.

А если такъ, то вопросъ о помощи голодной Россіи неизбежно приводитъ насъ все къ той же роковой точкѣ нашей исторіи:

— Надо убраться изъ Москвы коммунистическую палачъ. Если уберемъ — 20 миллионъ русскихъ жизней можетъ получить спасеніе. Если не уберемъ — къ осени и зимѣ миллионы русскихъ тѣлъ будутъ разлагаться на боль-

и однако же пользовался всероссійскимъ извѣстностью. Еще десять лѣтъ тому назадъ, когда хвѣбъ по Итали, онъ, когда умеръ у него ребенокъ, читалъ надъ его гробикомъ «Литургію Красоты» Бальмонта. И что же, развѣ помышало это его извѣстности? Напротивъ.

И надо всѣмъ-то мы, уставши въ армию, мушкетиръ, философствуемъ съ армейской серьезностью. Ни къ чему-то у насъ нѣтъ непосредственнаго отношенія взрослому человѣку. Все-то у насъ не веревка, а «верия», какъ у того крыловскаго муравья, что подѣлать въ яму, но и въ ямѣ продолжалъ свое «элюженіе». Все-то у насъ поведъ къ книжному разлагательству, къ реченію схоластичскія пошлости.

Пришелъ какой-то Горькій съ лубочной ахилеей о какомъ-то ужѣ, который «вползъ высоко въ горы и легъ тамъ», — и буквально ошеломили всю Россію этимъ ужомъ. Пришелъ Ситалецъ, фигура уже совсѣмъ курьезная, — и опять триумфъ. Помню одинъ литературный вечеръ въ Московскомъ Благородномъ Собраніи. На ту самую вѣстру, на которой въсегда, въ Пушкинскіе дни, вѣчали лавровымъ вѣнкомъ Тургенева, вышелъ передъ трехтысячной толпой Ситалецъ въ черной блузѣ и огромномъ блѣмомъ галстухѣ à la Кузьма Прутковъ, гаркнулъ на всю залу: «Вы — жабы въ гниломъ болотѣ!» — и вся зала буквально встала, захлебываясь отъ такого восторга, который не удостоился даже Достоевскій послѣ рѣчи о Пушкинѣ... Самъ Ситалецъ, и то былъ удивленъ и долго не вѣдалъ, почему, что съ болѣе вѣлать. Пошли мы послѣ вечера въ Большой Московскій, спросилъ себѣ Ситалецъ тарелку шей и тарелку армейской икры, — ей-Богу, я не шушу, — хлѣбушекъ по ложку твою и другое, утерся — и бросилъ саафетку въ ши:

— «Ну его къ чорту, не хочю! Уже очень великъ апплодисментъ сорвал!»

— Теперь, когда при доброй помощи всѣхъ нашихъ восторговъ передъ Ситалцемъ, случится то, что случится, пора бы, кажется, немного одуматься. Но куда тебѣ! Погибли, захлебнулись въ крови и грязь? Ничего подобнаго!

— «Ну его къ чорту, не хочю! Уже очень великъ апплодисментъ сорвал!»

— Теперь, когда при доброй помощи всѣхъ нашихъ восторговъ передъ Ситалцемъ, случится то, что случится, пора бы, кажется, немного одуматься. Но куда тебѣ! Погибли, захлебнулись въ крови и грязь? Ничего подобнаго!

— «Ну его къ чорту, не хочю! Уже очень великъ апплодисментъ сорвал!»

— Теперь, когда при доброй помощи всѣхъ нашихъ восторговъ передъ Ситалцемъ, случится то, что случится, пора бы, кажется, немного одуматься. Но куда тебѣ! Погибли, захлебнулись въ крови и грязь? Ничего подобнаго!

— «Ну его къ чорту, не хочю! Уже очень великъ апплодисментъ сорвал!»

И такъ во всемъ. Развратъ, пьянство, бѣднѣе, нереческая гиль — это у насъ все «проблемы», «надрывы», «протесты въ вѣнчностъ», «організмъ». Общественнѣе, хотъ и гнус-

Ангель.

Путникъ Ангель Божій, по землѣ страннн! Странновалъ ты долго, повидѣвъ ты много. Можешь указать намъ Чертога О. Янннй, Значѣвъ, гдѣ лежитъ Христова дорога.

Путникъ, Ангель Божій, по землѣ страннн! Сладки мои пѣсн, горки мои слезы. Какъ тебя привѣтъ, гостъ, ты, мой нежданнн, Въ нншей моей китчѣ, у чахолды березы?

Не молчи такъ гнвно, не смотри такъ строго! Не меня повѣдѣвъ ты въ Чертъ г. О. Янннй, Не за мной пришедь ты, слѣбной и убогой, Ты, Ангель, райской лилей вынчанъ!

Не ты мнѣ указашъ, гдѣ Христова дорога? Мой вожатый будешь въ вѣнцѣ изъ терній, За тѣмъ, кто вскъ жизнь проплакалъ у порога, Савъ Христосъ придетъ въ его часъ вечерній.

Тэффи.

„Страна неограниченнаго возможности“.

Ахъ, какой гнусной члупухой озаменивались даже самыя первыя дни нашей побѣды!

Въ Москвѣ безъ кино вели по Тверской (куда, зачѣмъ, за чѣ?) городонхъ безъ шапокъ... Деревянный народъ стоялъ, глаза въ жраль посолонухи, изрѣдка улылокалъ... Потому на мѣсто городонхъ кто-то назначилъ студентовъ, аптекарскихъ учениковъ... Я даже, какъ сейчасъ вижу тѣстаго гимназиста армянина лѣтъ тринадцати на посту на Малой Никитской.

Въ Петербургѣ «лованъ» Россія строилась тоже очень просто — мило. Истинный «товарищъ Богдановъ», одинъ изъ главнѣйшихъ соратниковъ Горькаго по «Новой Жизни», разсказываетъ («Ожиданн Рабочій», Одесса 1919 г.) о томъ, какъ «конструировался» знаменитый «союзъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ», т.е. главнѣйшій погубитель всей Россіи: «...Пришли Сухановъ-Гиммеръ и Стекловъ-Нахажеевъ, никакъ не выбранные, никакъ не

уполнъ мачонные, и объявили себя во главѣ этого еще не существоваваго Союзта».

Россія участвовала на величайшей мировой войнѣ, а «Союзтъ» точно же декретировалъ восьмичасовую рабочую день, издалъ приказъ N 1... Курскіеки своей собственной властью поведъ за вѣздомъ снаряжали изъ Москвы въ Сибирь — за «революционными борцами»...

«Бабушку» воили, какъ икону: по Москвѣ въ аркадахъ автомобилей, по Россіи — въ царскихъ вагонахъ... И всѣ новые министры, всѣ новые правители главнѣйшимъ своимъ долгомъ почитали представиться ей...

Въ городлахъ, въ деревняхъ сразу всѣ спали съ ума: всѣ поголовно обрали другъ на друга: «я тебя арестую, сукинн сын!» — потомъ стали убивать кого полагало, жечь на кострахъ, зарывать живыми въ землю за украденную курицу... «Самосудовъ», самыя кровавыя и бессмысленныя, были зарегистрировано (только зарегистрировано) къ августу 1917 г. уже болѣе десяти тысячъ (савъ записать самъ Керенскій на знаменитомъ московскомъ совѣщаніи)...

Власть надъ трехтысячнымъ фронтомъ отдала «комиссарамъ»: журналисту Соболю, журналисту Горданскому (теперешнему редактору большевскаго «Пуги» въ Гельсингфорсѣ)... Нѣмцы по землѣ катились отъ радостнаго гота...

Но можно ли все подобное переписать, исчислить? Я только хоу сказать вотъ что: большевики большевиками, а все-таки только въ Россіи можно дерзнуть на безстыдство «планетарное», на глупость, повергающую въ столбнякъ, — сбываніе, скажемъ, всероссійской электрофикаціи, выплсать въ Россію Ивандору Дункавъ, дожнствующую танцевать для «прелестнѣата», умирающаго съ голоду, издать декретъ, что отнынѣ въ Петербургѣ на всѣхъ лошадахъ, еще не совсѣмъ околѣвшихъ безъ крѣву, должны быть дуги «художественно» расписаны».

У насъ все сойдеть съ рукъ. У насъ почва для всеской члупухи и гнусности большевскаго была давно готова.

Мы хоходемъ, напримеръ, надъ Марксомъ, поставленнымъ въ тѣхъ самыхъ непролазныхъ дѣсахъ, гдѣ чуть не вчера были обнаружены мультанскія человѣчскія жертвоприношенія, надъ Чуломъ, переименованной въ «Городокъ Клары Цеткинъ»... Мы издѣвались надъ петлюровскимъ балаганомъ «Украинской самостоятельности», надъ «мовою», надъ яростнымъ сдраніемъ въ

ших дорогах и очившая собаки будут рвать эти тла на куски.

В том то и ужас нашего злосчастного отечества, что никакого промежуточного ршения, никакого иного выхода история нам не дает.

Благотворительность мы можем облегчить только стою душу, но накормить целый народ не можем. Чтобы ринуть вопрос в полной мьри, мы должны прибавить не к чь човеческому сердцу, а к човеческому расчету.

— Надо доказать, что Россия помочь выгодно. Надо убедить что помощь принесет пользу. Но как это доказать, когда сейчас все наше государство живет только для партии. Вся сила, вся власть, все золото и вся кровь страны отданы подарком Гриншк Зиновьеву, председателю 111 Интернационала. И губошлеп-Гриншка Россия дожевывает...

Нельзя, конечно, думать, что Гриншка уйдет—нажрется и отпадет—ибо вошь никогда не покидает телла тла добровольно. Она сама собой уходит только с тла мертвого, холодного.

Правда, сейчас уже времена настало сорзья, что политический расчет, если бы он был, у большевиков, мог бы подсказать им мысль об уходе.

— Попили, погуляли за самобранной русской скатертью—пора и честь звать!

Но все дло в том, что когда мы говорим о большевиках и их тактике, мы все допускаем одну и ту же крупнейшую ошибку. Мы все думаем, что для этих людей имветь хоть некоторое значение Россия, русский народ, русское государство, русские рабочие.

Но это явная нелпость.

Россия—это именно самобранная скатерть господ коммунистов, гдъ вся партия жреть, пьет и денег не платит.

Пребывание партии у власти—это кутеж в арестанских ротах.

Кончится кутеж—надо будет платит за разбитыя горшки и тда на вислицу.

И совершенно естественно, что большевики, как люди кандалной психологии, никогда добровольно не станут из-за прирственного стола.

Нужды нтъ, что кутеж обошелся России в 10 миллионов жений.

— Что в самом дль за счеты—лишь стало бы охоты! Тимь болше, что гдъ счет идет на миллионы жений, тамь люди не думают о таких пустяках, как 10 голодных губерний.

Како дло Ленину, Троцкому, Зиновьеву до арифметики, до нравственности, до России, когда все их морали цдником укладывается в коротенькую ворскую формулу:

— Лезь-ли, лезь-ли, а пришли да ввязи.

Уж если даже партийный пост, Максим Горький, выдал вперел коммунистическим убийцам свою индугенцию на всю народную кровь, то куда же идти дальше?

— Изволите ли видть, история русского народа так беднара что на этомь русском новозе не оставалось ничего другого дльват, как только вырашивать коммунистический ананас.

Нтъ, эти люди добровольно не уйдут. Они хорошо знают, что готовят имь слпная народная ярость. Они знают, что с них живых будут сдирать кожу и что в

будущем лись руссаго коммунизма будет походить на „морду освяжаемого кролика“.

Они зашли слишком далеко, чтобы поворачивать назад. И нужна дубина—великая всероссийская дубина, чтобы разбить, наказать этот мьдный лобь насильственного коммунизма.

Кандалную психологию не поборить душе-спасительным словом. Надо действовать. И сейчас, скорбе и больше, чьемь когда-нибудь, потому что коммунистическое хозяйствование в странъ уже поставлено на край всероссийской братской могилы 20 миллионов русских людей.

Чтобы этимь людям помочь, чтобы снять с обреченных савант—есть только одо настоящее средство—сдернуть самобранную скатерть со стола ирующих и свернуть шею партии социаль-паразитов.

Александр Яблонский.

ОТОВСЮДУ.

Борьба с коммунизмом.

Правительство Юго-Славия обратилось к сообщению N 12 Прв. (28-VI-N 204) с предложением Чехо-Славия, Румыния и Италия с предложением о выработке конвенции по вопросу о борьбе с коммунизмом.

Коммунизм Персии?

Советск. газеты сообщают о большинстве революции в Персии.

Инцидент с Крестинским.

Несмотря на протест Сов. власти по поводу назначения нар. комиссара Крестинского из Вавария и повторных протестов, правительство ввиду инцидента, бывшего в связи с высылкой предлога Банши еще некоторых из детально прибывших туда русских коммунистов.

Рвдкий случай применения беспропального телеграфа.

Пароход „Сарматия“ по пути из Европы в Норвегия, перешел по беспроволочному телеграфу просьбу парохода „Canadian Trader“ передать по беспроволочному телеграфу похоронной службе. На борту „Canadian Trader“ уезр жетрост, которого предостережение похоронной службы не было осуществлено. В результате пароход не оказался. Письма были высланы и „Сарматия“ протелеграфировала текст отыскания случая молитвы, которая по мьри пришла со станции были прочтены капитаном „Canadian Trader“ над тлом умершего. Le Journal 28-VI.

Обострение классово борьбы в Японии.

Не так давно телеграммы из Японии сообщили о серьезных рабочих беспорядках в некоторых промышленных центрах, высказавших призыв к вооруженной силе и введение, впервые в Японии, осадного положения.

Таимь образом классовая борьба в Японии приобретает довольно острый характер. Некоторая интересная данная, характеризующая настроение японского пролетариата сообщается нидежским журналом „Der Socialist“ в описании правдоподобно осужденной фобии. Последняя митинг из их участия прошла по улицам с пламенем японских рабочих пьес и интернационала, только недавно переведенного на японский язык. В Токио манифестация закончилась слухом с полицией, которая овладела красными флагами. В числ раненых оказался между прочим какой то слепой русский поэт.

Второй раз спасла меня Франция: это было 14-го ноября.

У нас уже не ост. валось ни клочка земли. Мы не могли уже бороться. Большеистская партия, как серпант, населила на последние остатки русской армии. Мы уходили из Крама. Мы уходили на свихь кораблях. Но напаром на матч развивался благород дымл флаг. Рука Франции направляла наш путь. Рука Франции поселила нас в зеленых палатках Галлиполи. Рука Франции давала нам зль и пищу. И она, наша любимая Франция, заставляла нас вьить и жать.

Теперь спаси ты нас отбвеченьем, которое обрисули свое оружие на спасая армию, которая сохранила свои боевые знамена. Вь образцовый порядок выстроились мы перед своим любимым вождем. И он сказал нам:

— Четыре дня тому назад я получил известие, что вперед до того момента, когда мы сможем выступить против врага, мы—как армия—сохраняем свой состав и свою организацию...

Рядом стоял вап адмирал де-Бонь, испытанный друг России. Он не останавливал нашего главнокомандующего. Он не сказал, что это неправда. Напротив, он несомно рьз на дуэльном орла, сдланного из цвтьных канкан на гал-польской глин, и сказал:

— Я видль русскую армию в ть дни, когда вырл орел гддо парил над мьром. Я вьрл, глядя на вас, что она снова возмилить своими могучими крыльями.

Говорить ли нам, мои товарищи по военному дльву, как слезы благодарности сжимали наше горло? Благодарная Франция не только спасла нас от канкан, пыток и позра. Она не только вывезла нас на кораблях:

— Подь ее трехцветный флагамъ вьзла сь нами и Россия...

Они, эти вьсильники, до тла разорившие богатую вь мирь страну (Стенка это не удалось за отсутствием вь то время ителигенции и Ллойд-Джорж), убивали и укоричивали вь десятилетия миллионы русских людей, теперь на четвертый год своей дльва-льсти, начинают гддо пчесывать вь затылки и ухмыляться:

— Во-первых! Даром, кажеть, пропала работа Ничегошеньки не вышло из нашего „опята! Вроде-то, не буда — одурачили вывернемся. Одной позай, и то одурачим. Запутали намь голову какимь нибудь Блокмъ. Бьльмъ—сложнее, что мы фантаки... что, благодаря намь, Россия все таки перероилась для новой, прекрасной жизни... что арю, ежели не умереть, то и не ожанеть... За милую душу вывернемся!

И вывернутся. И даже в историю вь и-мьбаль войдут. Умомь Россию не поить, аринномъ обмань не вымьрять!

Ив. Вильн.

Не троньте караула:

смьна не пришла...

(Из Галлиполи).

Моиъ товарищамъ—французским офицерамъ.

Это было 27 марта 1918 года. Вьсуть сь нами русских офицеров и солдат, усталый и измученный, я очутился на борту „Waldeck Rousseau“. За минуту передь бьмь, на однокорб восточномь молу вь Норгоросийскъ, мы сядли, прижале к морю подь пулем-тнмь огнемь большевиков. На рейдъ не было ни одного судна. Смерти была неизбежна. Я уже отгнетнул кобуру револьвера и готовь былъ покончить расчеты сь жизнью.

И вь это мгновение рука французской Франции выхватила меня изь руки смерти.

Развь можно забыть это? И я помню, как сь чувствомь братской гьагодарности я вступил на борту Гастеприимного французского корабля. Какъ хотьво поодить кь вамъ, дорогие французские офицеры, какъ хотьво излить вамь свои чувства, какъ хотьво крикнуть: — Наша дубина жива... Да здравствуеть Франция!

И я подошел. Два французскихь аргилериста обманчивымь вьсечтльямь.

— Тяжело досталась имь этоть день,—ска жать одинь изь нихь. Но, молодцы: гордо стояли передь лицомь смерти. Хорошо, что мы спасли ихъ.

— Все это такъ,—отвечль другой, нужно только чтобы этому не п, дано было политическое значение. Нужно, чтобы все это разсматривалось такъ, какъ оно есть: какъ акть гуманности...

Вы поймете меня, французские офицеры! Не надо учить чуждой логикой свой родиль. Мы дькали это всей своей историей. Мы дьказали это Верденомь и Марной. Вы и вьмете меня.

Вь иьмете, почему сь ова благодарности за спасль не моимъ устать. Насъ спасли, какъ слушавшихь спутниковъ, случайно потерявшихь аварию. Но вьдь не случайно собрались мы на этомь молу. Какъ все люди, мы хотль жить; но какъ солдаты—мы имьли более дорого, чьмь наша жизнь.

— Это была наша родина...

И показалось тогда, что глубокая обида заповала вь душу. Да, спасена наша жьзнь. Вьсуть смерти у одинокого бьлого макка, мы сидимь на борту французского корабля, дышимь морскимь воздухомъ, пьемь кофе, который любезно намь предложили.

Вы видели насъ на борту.

А за бортомъ, вьзвращенная и израненная, осталась та, которая была намь дороже жизни: — За бортомъ, осталась Россия...

Второй раз спасла меня Франция: это было 14-го ноября.

У нас уже не ост. валось ни клочка земли. Мы не могли уже бороться. Большеистская партия, как серпант, населила на последние остатки русской армии. Мы уходили из Крама. Мы уходили на свихь кораблях. Но напаром на матч развивался благород дымл флаг. Рука Франции направляла наш путь. Рука Франции поселила нас в зеленых палатках Галлиполи. Рука Франции давала нам зль и пищу. И она, наша любимая Франция, заставляла нас вьить и жать.

Теперь спаси ты нас отбвеченьем, которое обрисули свое оружие на спасая армию, которая сохранила свои боевые знамена. Вь образцовый порядок выстроились мы перед своим любимым вождем. И он сказал нам:

— Четыре дня тому назад я получил известие, что вперед до того момента, когда мы сможем выступить против врага, мы—как армия—сохраняем свой состав и свою организацию...

Рядом стоял вап адмирал де-Бонь, испытанный друг России. Он не останавливал нашего главнокомандующего. Он не сказал, что это неправда. Напротив, он несомно рьз на дуэльном орла, сдланного из цвтьных канкан на гал-польской глин, и сказал:

— Я видль русскую армию в ть дни, когда вырл орел гддо парил над мьром. Я вьрл, глядя на вас, что она снова возмилить своими могучими крыльями.

Говорить ли нам, мои товарищи по военному дльву, как слезы благодарности сжимали наше горло? Благодарная Франция не только спасла нас от канкан, пыток и позра. Она не только вывезла нас на кораблях:

— Подь ее трехцветный флагамъ вьзла сь нами и Россия...

Они, эти вьсильники, до тла разорившие богатую вь мирь страну (Стенка это не удалось за отсутствием вь то время ителигенции и Ллойд-Джорж), убивали и укоричивали вь десятилетия миллионы русских людей, теперь на четвертый год своей дльва-льсти, начинают гддо пчесывать вь затылки и ухмыляться:

— Во-первых! Даром, кажеть, пропала работа Ничегошеньки не вышло из нашего „опята! Вроде-то, не буда — одурачили вывернемся. Одной позай, и то одурачим. Запутали намь голову какимь нибудь Блокмъ. Бьльмъ—сложнее, что мы фантаки... что, благодаря намь, Россия все таки перероилась для новой, прекрасной жизни... что арю, ежели не умереть, то и не ожанеть... За милую душу вывернемся!

И вывернутся. И даже в историю вь и-мьбаль войдут. Умомь Россию не поить, аринномъ обмань не вымьрять!

И вьсильники, до тла разорившие богатую вь мирь страну (Стенка это не удалось за отсутствием вь то время ителигенции и Ллойд-Джорж), убивали и укоричивали вь десятилетия миллионы русских людей, теперь на четвертый год своей дльва-льсти, начинают гддо пчесывать вь затылки и ухмыляться:

— Во-первых! Даром, кажеть, пропала работа Ничегошеньки не вышло из нашего „опята! Вроде-то, не буда — одурачили вывернемся. Одной позай, и то одурачим. Запутали намь голову какимь нибудь Блокмъ. Бьльмъ—сложнее, что мы фантаки... что, благодаря намь, Россия все таки перероилась для новой, прекрасной жизни... что арю, ежели не умереть, то и не ожанеть... За милую душу вывернемся!

И вывернутся. И даже в историю вь и-мьбаль войдут. Умомь Россию не поить, аринномъ обмань не вымьрять!

И вьсильники, до тла разорившие богатую вь мирь страну (Стенка это не удалось за отсутствием вь то время ителигенции и Ллойд-Джорж), убивали и укоричивали вь десятилетия миллионы русских людей, теперь на четвертый год своей дльва-льсти, начинают гддо пчесывать вь затылки и ухмыляться:

— Во-первых! Даром, кажеть, пропала работа Ничегошеньки не вышло из нашего „опята! Вроде-то, не буда — одурачили вывернемся. Одной позай, и то одурачим. Запутали намь голову какимь нибудь Блокмъ. Бьльмъ—сложнее, что мы фантаки... что, благодаря намь, Россия все таки перероилась для новой, прекрасной жизни... что арю, ежели не умереть, то и не ожанеть... За милую душу вывернемся!

И вывернутся. И даже в историю вь и-мьбаль войдут. Умомь Россию не поить, аринномъ обмань не вымьрять!

И вьсильники, до тла разорившие богатую вь мирь страну (Стенка это не удалось за отсутствием вь то время ителигенции и Ллойд-Джорж), убивали и укоричивали вь десятилетия миллионы русских людей, теперь на четвертый год своей дльва-льсти, начинают гддо пчесывать вь затылки и ухмыляться:

— Во-первых! Даром, кажеть, пропала работа Ничегошеньки не вышло из нашего „опята! Вроде-то, не буда — одурачили вывернемся. Одной позай, и то одурачим. Запутали намь голову какимь нибудь Блокмъ. Бьльмъ—сложнее, что мы фантаки... что, благодаря намь, Россия все таки перероилась для новой, прекрасной жизни... что арю, ежели не умереть, то и не ожанеть... За милую душу вывернемся!

А теперь, когда только червь вьсильники месяцею, холодно и тоскливо бьется сердце. Нтъ, прежнее чувство и слово. И вьстае вь сознании тяжелый вопрос:

— Забьемъ же вы спасли насъ?

Я знаю: политикамъ, нотариусамъ, адвокатамъ и коммерсантамъ такой вопросъ покажется дикимъ и возмутительнымъ. Они скажутъ:

— Развь не мы кормили васъ столько мьсецевъ? Развь не мы тратили столько французскихъ алтмь, конерсов, галетъ? Развь не видя вь этомъ классическая неблагодарность русскихъ?

Но вы, офицеры, и отьветьте такъ на наш скорбный вопросъ.

Тамъ, гдъ-то, перелистываются бухгалтерские книги и послужный пишущий машинки холодно выстукиваютъ:

— Никакой армии вьль. Пора кончить историю вь солдатки.

Но вьдь книга, гдъ записаны наши братские подвиги не можетъ закрыться... Вьдь не можетъ же пинуть машинка заглушить голосъ благодарного сердца...

И вы, офицеры французской армии, вы не упрежете насъ вь неблагодарности. Вы поймете нашу трагедию. И вы такъ же скажете вь и намь, если злая судьба перевернула бы наши роли.

Мы не одинь прибыли на пустынный греческий полуостровъ. Сь нами прибыла Россия, и сья трехцветный флагъ—блльн, синь, красный, сь тьми же лентами, что и у васъ, гддо развьзается надь нашимь лагеремъ.

Для многихъ—вь ошущка. Что это за развльзаеть три у насъ и русскихъ полковъ? Это маде-и-дльмь и коллоретъ. Онь стоитъ столько-то сантимовъ за метр: право, расхдть небо-лишь.

Но вы не сможете такъ расхдвать. Долгъ вамъ, офицерамъ, такъ же какъ и для насъ, это не прьзнь гдлки. И за эти три пьсаки, которая стоятъ несколько франковъ, и вы, и мы готовь заплатить собственной жизнью.

У насъ осталось немного: наши знамена. И около этихъ знаменъ—почетный караулъ.

Не троньте этого почетного караула: еще не пришла смьна!

У насъ осталась немного: наша честь. Не троньте чести: вы лучше многихъ знаете ея цьну!

И мы стоимъ на часахъ у нашихъ знаменъ охраняя нашу честь, это не игрушка.

А тьмь временемъ, перелистываются бухгалтерские книги и стукает пишущий машинка: — Армия вьль. Пора кончить игру...

И, можетъ быть, мьрь сильнее прилушится кь голосу пишущихъ машинъ, чьмь кь голосу чести. Можетъ быть, подвизая ихъ старому ступу, пшшють насъ, разрывать наши старую знамена.

Мы знаемъ, что значить солдаты. Мы не будемъ говорить, какъ кричали когда-то нбьмы, посылая вь Россию запломбириванных агитаторовъ:

— Не подчиняйтесь! Нтъ, тогда вы пойдете исполнить свой долгъ. Вы попробуйте вьрвать знамя изь нашихъ ослабьвшихъ рукъ. Вы подьзаете наши пушки на нашихъ корабляхъ и скажете твердо и легко:

— Первая шеренга вь Бразилию. Вторая— вь Советскую Россию... Шагъ—взадъ!

И, конечно, вы знаете, что не дадимъ мы вьрвать наше знамя. Не дадимъ, постъ всего перемогло, сдльзть изь воиновъ—грабильскихъ рабовъ. Не дадимъ обездествить насъ посылкой кь предателямъ, сидящимъ вь царскомъ Кремль.

Мы погибнемъ. Но вьдь жьзнь—старая, гуманитарная Европа? Живе—еже Франция, которая провозгласила на весь мьрь принципъ права и правды? Живе—еже офицеры, которые услащивали лучшую традицию рыцарскихъ временъ?

И я—офицеръ русской армии и вьшь боевой товарищъ—спрошу васъ:

— Не вздрожать ли передь куклой побойскихъ безумцевъ вь городное зная Франция? Французь! Не троньте караула: смьна не пришла...

Поручикъ В. Даватьск.

Галлиполи.

нйшее хулиганство, личное убийство уличной дьвки ватагой каторжниковъ и ярьз—предметъ мистической поэмь, и мы, вь наши океанские дни, занимаемся тьмь, что споримъ и устно и печатно: вьрны эти убийцы и ярьзи „апостолы“ или все таки не совьстль? Микротка, ни сь того ни сь сего дробящий дубиной венецанское зерцало, у насъ непременно „гуннь“, „сифтъ“, и мы угьшамеся, успокаиваемся, нальпимъ на него этого дурачки, книжный ярльзъ... Несправные пошляки!

Революционный ритуаль, революционное лицедьство известны: обрцца, пламенная рьзнь, баррикады, освобождение изь тюрьмы—воровъ, сожжение сысныхъ архивовъ, арестъ властей, торжественные похороны „нашихъ борьцовъ“, казнь „деспота“, осквернение церкви, лишение звонаний, манифестовъ, „массовый терроръ“... Все это продьвгалъ, ма все повелелъ до разьровъ гомерический, вь нивозе еще небывалой, до глупости и отьверьтвенна бьшеной горды.

„Всему виной попустительство Керенского“... А кто же Керенскому то попустительствовал, кто Керенского поднят на щитъ? Развь не мы? Развь онъ не наше кровное порождение?

И на Ленина нечего особенно дьваться.

— Среди духовной тьмы молодого, неуравновьшенного народа, какъ всюду недовольного, особенно легко возникли смуты, колебания, шатость... И вотъ они опять возникли, въ огромномъ разьврльзъ... Духъ материальности, несомысленной воли, грубого самокритерия по-вьяль гьбельно на Русь... У добрыхъ отнялись руки, у злыхъ развьязались на всякое зло...

Толпы отьверженники, подонковъ общества потонули на опустошение своего же дома подь знаменами равноплеменныхъ вожакотъ, самозванцевъ, жедраговъ, атамановъ изь вьрожденцевъ, преступниковъ, честолюбцевъ“...

Это — выписка (гь что ни слово, то золотомъ) изь „Соловья“ о смутномъ времени. Вьсему вь ней вьзложено наша революция со всеми ея „завоеваниями“ есть полное подобие. И подготвьляли ее мы все, вь не одинь Керенские и Ленины, и идущий, впадуть вь явь сьуть совьстль нечего: обьт карьера (и солоневичи и нильшаны) проты и стары, какъ мьрь.

— Народъ пошелъ за Стенькой обманчивей, разгнаннымъ, многого не понимая толкомъ... Были посулы, приемы, а ужь воля ихъ всегда канкан... Подвизалъ все авиатцы, все князья, зьренье, мордья, чужаки, черемисы, бакиры, которые бунтовались и рьзавь

нйшее хулиганство, личное убийство уличной дьвки ватагой каторжниковъ и ярьз—предметъ мистической поэмь, и мы, вь наши океанские дни, занимаемся тьмь, что споримъ и устно и печатно: вьрны эти убийцы и ярьзи „апостолы“ или все таки не совьстль? Микротка, ни сь того ни сь сего дробящий дубиной венецанское зерцало, у насъ непременно „гуннь“, „сифтъ“, и мы угьшамеся, успокаиваемся, нальпимъ на него этого дурачки, книжный ярльзъ... Несправные пошляки!

Революционный ритуаль, революционное лицедьство известны: обрцца, пламенная рьзнь, баррикады, освобождение изь тюрьмы—воровъ, сожжение сысныхъ архивовъ, арестъ властей, торжественные похороны „нашихъ борьцовъ“, казнь „деспота“, осквернение церкви, лишение звонаний, манифестовъ, „массовый терроръ“... Все это продьвгалъ, ма все повелелъ до разьровъ гомерический, вь нивозе еще небывалой, до глупости и отьверьтвенна бьшеной горды.

„Всему виной попустительство Керенского“... А кто же Керенскому то попустительствовал, кто Керенского поднят на щитъ? Развь не мы? Развь онъ не наше кровное порождение?

И на Ленина нечего особенно дьваться.

— Среди духовной тьмы молодого, неуравновьшенного народа, какъ всюду недовольного, особенно легко возникли смуты, колебания, шатость... И вотъ они опять возникли, въ огромномъ разьврльзъ... Духъ материальности, несомысленной воли, грубого самокритерия по-вьяль гьбельно на Русь... У добрыхъ отнялись руки, у злыхъ развьязались на всякое зло...

Толпы отьверженники, подонковъ общества потонули на опустошение своего же дома подь знаменами равноплеменныхъ вожакотъ, самозванцевъ, жедраговъ, атамановъ изь вьрожденцевъ, преступниковъ, честолюбцевъ“...

Это — выписка (гь что ни слово, то золотомъ) изь „Соловья“ о смутномъ времени. Вьсему вь ней вьзложено наша революция со всеми ея „завоеваниями“ есть полное подобие. И подготвьляли ее мы все, вь не одинь Керенские и Ленины, и идущий, впадуть вь явь сьуть совьстль нечего: обьт карьера (и солоневичи и нильшаны) проты и стары, какъ мьрь.

— Народъ пошелъ за Стенькой обманчивей, разгнаннымъ, многого не понимая толкомъ... Были посулы, приемы, а ужь воля ихъ всегда канкан... Подвизалъ все авиатцы, все князья, зьренье, мордья, чужаки, черемисы, бакиры, которые бунтовались и рьзавь